А. Дмитріевскій.

# ЛИЧНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ О МИТРОПОЛИТѢ ПЕТЕРБУРГСКОМЪ АНТОНІИ,

## КАКЪ УЧИТЕЛѢ И СОСЛУЖИВЦѢ.

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИП. ВЫС. УТВ. О-ВА РАСПР. РЕЛ.-НР. ПР. ПГР., ОБВОДН., 116
1916.

Дозволено военною цензурою. Петроградъ, 22 марта 1916 г.

А. Дмитріевскій.

# ЛИЧНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ О МИТРОПОЛИТѢ ПЕТЕРБУРГСКОМЪ АНТОНІИ,

## КАКЪ УЧИТЕЛѢ И СОСЛУЖИВЦѢ.

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИП. ВЫС. УТВ. О-ВА РАСПР. РЕЛ.-НР. ПР. ПГР., ОБВОДН., 116.
1916.

# Личныя воспоминанія о митрополитѣ Петербургскомъ Антоніи, какъ учителѣ и сослуживцѣ.

(Рѣчь, произнесенная въ сокращеніи въ публичномъ собраніи религіозно-нравственнаго Общества въ духѣ Церкви Православной 3 ноября 1915 г.).

Прежде чѣмъ приступить къ личнымъ воспоминаніямъ о въ Бозѣ почившемъ незабвенномъ митрополитѣ Антоніи, какъ своемъ учителѣ и сослуживцѣ по Казанской Духовной Академіи, я нахожу необходимымъ предварительно сдѣлать нѣсколько оговорокъ, чтобы устранить всякаго рода недоразумѣнія и возможныя по отношенію ко мнѣ возраженія, пожеланія и требованія. Мои личныя воспоминанія, какъ таковыя, несомнѣнно субъективны и будутъ не полны и, даже, можетъ быть, односторонни и мелочны для персоны, об-

леченной столь высокимъ саномъ, и при томъ въ настоящемъ собраніи, гдѣ большинство собравшихся глубокіе почитатели почившаго архипастыря, жаждущіе слышать о немъ одно только благоговѣйно высокое и восторженное, что выдѣляло бы его изъ ряда лицъ ему подобныхъ и ставило бы на недосягаемую высоту. Мнѣ лично сейчасъ чужда мысль создавать искусственныя подмостки и ставить на нихъ личность покойнаго митрополита Антонія, оставившаго по себѣ самую свѣтлую память у его почитателей и современниковъ, чему яркимъ доказательствомъ служитъ между прочимъ и наше настоящее собраніе.

Прошло уже три года съ блаженной преждевременной кончины владыки. Острота тяжелой утраты мало-по-малу ослабѣла. Необходимость говорить о почившемъ владыкѣ по правилу: De mortuis aut bene aut nihil нынѣ исчезла. И свѣтлая личность митрополита Антонія, и его учено-административная дѣятельность отходитъ уже въ область безпристрастной исторіи. Вотъ почему мнѣ и хотѣлось бы въ настоящемъ

собраніи почитателей почившаго владыки обрисовать его свѣтлую личность не со стороны ея, такъ сказать, показной, какимъ покойный владыка является передъ нами въ профессорскомъ вицъ-мундирѣ, въ рясѣ съ панагіею на груди и въ бѣломъ клобукѣ на головѣ и въ саккосѣ и омофорѣ, какъ его описываютъ обыкновенно панегиристы въ своихъ некрологахъ и разныхъ статьяхъ по поводу перипетій въ его не лишенной драматичности и исключительнаго счастливаго покровительства ему фортуны жизни, а изобразить его въ обычномъ скромномъ пиджакѣ или подрясникѣ даже безъ скуфейки на головѣ, за трудовымъ рабочимъ столомъ или, въ кругу своихъ интимныхъ единомышленниковъ, за скромной трапезой или за чайнымъ столомъ. Быть можетъ, и въ этихъ незримыхъ и недоступныхъ внѣшнему міру мелкихъ, но, по моему мнѣнію, весьма характерныхъ черточкахъ обрисуется предъ нами глубокосимпатичный притомъ образъ почившаго владыки еще съ большею пластичною рельефностью и чарующею задушевною

обаятельностью, чѣмъ даже въ статьяхъ, написанныхъ ad hoc.

Мои воспоминанія будутъ эпизодичны и часто отдѣляются значительными промежутками времени. Послѣднее зависитъ отъ того, что совмѣстное сожительство мое съ почившимъ владыкою падаетъ лишь на годы моего обученія въ Академіи, съ 1878—1882 г., и на два первые года службы въ Казани, съ 1882—1884 годы, и на послѣдніе годы жизни владыки съ 1907 года, послѣ моего переселенія на службу изъ Кіева въ Петроградъ, при чемъ, само собою разумѣется, что мои свиданія съ нимъ не отличались назойливостью.

Первое мое знакомство съ Александромъ Васильевичемъ Вадковскимъ (мірское имя митроп. Антонія) относится къ 1878 г., когда я поступилъ студентомъ Казанской Духовной Академіи на церковно-практическое отдѣленіе. Въ числѣ отдѣленскихъ предметовъ на первомъ курсѣ мы должны были выслушать исторію проповѣдничества—періоды древне-христіанскій и византійскій. Едва-ли и слѣдуетъ прибавлять, что видѣть и слышать профессоровъ сво-

его отдѣленія для насъ, *новичковъ*, было весьма интересно, такъ какъ на пріемныхъ экзаменахъ мы видѣли передъ собою только профессоровъ отдѣленій богословскаго и церковно-историческаго и лекторовъ новыхъ языковъ. Въ положенный по росписанію, часъ въ небольшую аудиторію, занятую 8 студентами новаго курса церковно-практическаго отдѣленія [1]), вошелъ ровною походкою одѣтый въ вицъ-мундиръ молодой, стройный, съ пріятнымъ лицемъ, окаймленнымъ небольшою бородкою, и обильною растительностью на губахъ. Сѣрые вдумчивые глаза, нѣсколько мясистый носъ, густыя брови и очень небольшая шевелюра съ ясно обозначившейся уже лысинкою на головѣ дополнили внѣшнюю фигуру явившагося предъ нами лектора. Раскланявшись съ студентами и взойдя на каѳедру, Александръ Васильевичъ ровнымъ и мелодичнымъ, безъ аффектацій, голосомъ

---

[1]) Въ общемъ довольно вѣрно изобразилъ А. В. Вадковскаго, какъ профессора гомилетики, мой товарищъ по Академіи и отдѣленію М. П. Троицкій въ своихъ краткихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ Берлинѣ въ журналѣ „Церковная правда“ 1913 г. № 5, стр, 128—130, издававшемся протоіереемъ А. П. Мальцевымъ.

началъ чтеніе по тетрадкѣ введенія въ исторію христіанской проповѣди, по временамъ лишь расправляя лѣвою рукою свои густые усы, или поглаживая не менѣе густыя брови. Мы выслушали лекцію съ живымъ интересомъ и вышли въ восторгѣ отъ впечатлѣнія, какое произвелъ на насъ Александръ Васильевичъ. Первое благопріятное впечатлѣніе въ дальнѣйшемъ не только не ослабѣвало, но росло, можно сказать, съ каждой лекціей. Когда мы подошли къ его чтеніямъ по исторіи византійской проповѣди золотого вѣка — времени св. Василія Великаго, Іоанна Златоуста, Амвросія Медіоланскаго, наша аудиторія уже оказывалась тѣсною и душною. Число желающихъ слушать увлекательнаго лектора росло съ каждою лекціею, и аудиторія уже не могла вмѣстить всѣхъ. Мы, такъ сказать, слушатели ex officio, были въ восхищеніи отъ лектора и положительно считали себя счастливыми, что наша аудиторія стала предметомъ зависти студентовъ другихъ отдѣленій. Александръ Васильевичъ, видя передъ собою возрастающую въ численности ау-

диторію, ободрился, расцвѣлъ. Его прекрасная, ровная и мелодичная рѣчь о богатствѣ и пышной роскоши Византійскаго императорскаго двора и испорченности современныхъ нравовъ столицы дивнаго Босфора, въ связи съ вдохновеннымъ, пламеннымъ словомъ обличителя-аскета и неустрашимаго проповѣдника Христовой правды Златословеснаго архіепископа Константинопольскаго Іоанна Златоуста производила на слушателей чарующее, неотразимое впечатлѣніе. Въ картинныхъ изображеніяхъ распущенности нравовъ и ослѣпительной роскоши въ жизни Византійской столицы съ одной стороны, и безпощадныхъ суровыхъ обличеній тонкаго знатока человѣческаго сердца, архипастыря аскета, съ другой, мы въ рѣчи лектора не слышали ни напыщеннаго паѳоса, ни риторической холодной аффектаціи, но все тотъ-же обычный, дѣловой, ровный тонъ лектора — знатока своего дѣла. И этимъ-то спокойствіемъ и дѣловитостію тона онъ еще больше подкупалъ насъ въ свою пользу и покорялъ себѣ невольно всю аудиторію. Мы провожали талантливаго,

краснорѣчиваго лектора бурными аплодисментами и сами покидали аудиторію въ восхищеніи и очарованіи. У меня невольно рождается теперь горячее желаніе видѣть эти лекціи изданными въ свѣтъ, хотя я почти и съ увѣренностью могу говорить, что эти лекціи и не были вполнѣ оригинальными, и составлялись подъ вліяніемъ очень хорошихъ французскихъ источниковъ.

Внутренняя личная жизнь Александра Васильевича въ это время для насъ студентовъ перваго курса могла быть совершенно неизвѣстна, но одно случайное обстоятельство приподняло предъ нами завѣсу, скрывавшую отъ насъ и эту жизнь. Оказалось, что молодой, симпатичный профессоръ, увлекавшій насъ въ аудиторіи, переживалъ тяжелую семейную драму и испытывалъ тяжелую гнетущую матеріальную нужду. Самыя достовѣрныя и краснорѣчивыя свѣдѣнія мы имѣли объ этомъ отъ нашего товарища по отдѣленію и курсу Аристова, который, не получивъ казенной стипендіи и не имѣя средствъ къ существованію, помѣщенъ былъ на жительство Александромъ Васильевичемъ въ редакціи

академическаго журнала «Православный Собесѣдникъ» въ качествѣ ея дѣлопроизводителя.

Молодой доцентъ А. В. Вадковскій былъ отцемъ двоихъ дѣтей и ютился въ академической слободкѣ въ скромной квартиркѣ дома Мильмана, при самой тяжелой семейной обстановкѣ. Въ домѣ на одрѣ лежала приговоренная къ смерти любимая юная супруга Александра Васильевича, нуждавшаяся въ уходѣ и въ средствахъ на свое леченіе. Два прелестныхъ созданія— мальчикъ Борисъ и дѣвочка Лидія, въ возрастѣ отъ 6 до 8 лѣтъ, требовали за собою постояннаго надзора и внимательнаго наблюденія, которые уже были не подъ силу умирающей Елисаветѣ Васильевнѣ. Недостатокъ средствъ по должности доцента, съ жалованьемъ 1200 р. въ годъ, и бо́льшіе расходы по дому вынудили Александра Васильевича взять на себя редакторство и корректорство «Православнаго Собесѣдника». Эта интенсивная работа, требовавшая не малыхъ хлопотъ въ типографіи, въ бумажныхъ магазинахъ и постояннаго сидѣнья дома за корректурою, нерѣдко отвлекала Але-

ксандра Васильевича отъ его научныхъ профессорскихъ занятій, но и дома онъ долженъ былъ отрываться, —то— влекомый къ одру своей любимой супруги, то къ своимъ малюткамъ, лишеннымъ нѣжныхъ согрѣвающихъ ласкъ больной мамы. Едвали и слѣдуетъ прибавлять, что дѣлить эти сложныя и трудно совмѣстимыя обязанности Александру Васильевичу съ кѣмъ-либо въ домѣ, при одной прислугѣ, не было возможности.—И студентъ Аристовъ и Ксаверій, служитель редакціи, были постоянными посѣтителями квартиры Александра Васильевича, его довѣренными исполнителями различныхъ его порученій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и непосредственными свидѣтелями той тяжелой жизненной драмы, которую онъ переживалъ въ это время.

Катастрофа въ семьѣ Александра Васильевича разразилась осенью 1878 года.— Елизавета Васильевна скончалась, оставивъ молодого вдовца и на его рукахъ двухъ малютокъ дѣтей. Дружная академическая корпорація съ своими семьями старалась всячески выразить своему симпатичному товарищу сочувствіе въ постигшемъ его

горѣ, а студенты, въ свою очередь, не желали отстать отъ нихъ въ изъявленіи своихъ трогательныхъ чувствъ въ отношеніи убитаго горемъ любимаго профессора. Прекрасный студенческій хоръ участвовалъ на выносѣ тѣла почившей и пѣлъ въ церкви заупокойную литургію и чинъ погребенія.

Послѣ похоронъ, Александръ Васильевичъ ушелъ всецѣло въ научную работу, ища въ ней и забвенія понесенной тяжелой утраты, и заработка для значительныхъ долговъ, которые явились у него, сначала благодаря болѣзни жены, а затѣмъ и ея похоронъ. Напряженная научная работа въ своей излюбленной спеціальности и надъ описаніемъ Соловецкихъ рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Казанской духовной Академіи, прерывалась лишь для посѣщенія лекцій и для бесѣдъ съ своими малютками, искавшими его ласкъ и нѣжныхъ попеченій. Мы, студенты, прямо восхищались, какъ этотъ молодой вдовецъ, съ материнскою нѣжностію, заботился о религіозно-нравственномъ воспитаніи своихъ дѣтей, съ которыми мы видѣли Але-

ксандра Васильевича постоянно въ академическомъ храмѣ на всѣхъ богослуженіяхъ. Нерѣдко мы могли наблюдать за его путешествіями съ ними на сосѣднее Арское кладбище для слушанія литургій въ мѣстномъ храмѣ и для панихидъ на дорогой родной могилѣ.

Сближеніе мое съ Александромъ Васильевичемъ и знакомство съ нимъ произошло на третьемъ курсѣ въ 1881 г., когда я, занятый кандидатскимъ сочиненіемъ: «Богослуженіе въ русской церкви въ XVI в.», часто посѣщалъ квартиру моего незабвеннаго учителя — литургиста Н. Ѳ. Красносельцева, проживавшаго по близости въ госпитальной слободкѣ въ одномъ домѣ съ своимъ свояком профессоромъ Я. А. Богородскимъ. Александръ Васильевичъ свое одиночество и глубокія думы о воспитаніи сиротъ-малютокъ частенько любилъ повѣрять весьма симпатичной и сердечной Н. М. Красносельцевой, которая, подъ своимъ бдительнымъ надзоромъ, вела наблюденіе и за воспитаніемъ единственнаго сына вдовца — профессора Я. А. Богородскаго. Здѣсь, въ этой незабвенной для меня семьѣ

симпатичныхъ труженниковъ-профессоровъ и произошло первое мое неоффиціальное знакомство съ А. В. Вадковскимъ. Болѣе интимно установилъ я свои отношенія къ нему уже на IV курсѣ, когда, за отъѣздомъ проф. Н. Ѳ. Красносельцева въ ученую командировку заграницу, я остался въ одиночествѣ, и когда мнѣ, по роду избранныхъ групповыхъ предметовъ для практическихъ занятій—каноническое право, литургика и гомилетика,—пришлось часто уже не въ аудиторіи, а въ маленькой студенческой комнатѣ для вечернихъ занятій подолгу бесѣдовать съ нимъ и иногда почти съ глазу на глазъ. Начатое печатаніе на страницахъ «Православнаго Собесѣдника» моего перваго ученаго труда: «Богослуженіе въ русской церкви за первые пять вѣковъ» (критическій разборъ книги Н. Ѳ. Одинцова: «Порядокъ общественнаго и частнаго богослуженія русской церкви до XV в.») побуждало меня посѣщать и квартиру А. В. Вадковскаго, какъ редактора академическаго журнала, и уже ближе и внимательнѣе присмотрѣться къ тому, какъ жилъ и работалъ нашъ люби-

мый профессоръ-вдовецъ среди той обстановки, которая окружала его, какъ отца двухъ малютокъ-сиротъ, при крайне ограниченномъ бюджетѣ...

Чтобы лучше уяснить себѣ ту интеллектуально-нравственную атмосферу, въ которой жилъ и работалъ въ это время молодой и талантливый доцентъ Академіи, необходимо сказать нѣсколько словъ о Казанской Академіи и ея профессорахъ конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

Академія находилась подъ бдительнымъ и мудрымъ попеченіемъ приснопамятнаго Архіепископа Казанскаго Антонія (Амфитеатрова). Какъ ученый авторитетный богословъ и бывшій самъ ректоръ и Духовной семинаріи, и долгое время Духовной Академіи, онъ зорко слѣдилъ за всѣми сторонами ея жизни и живо интересовался ея научною дѣятельностью. Профессора Академіи были у него на особомъ благоволеніи и почетѣ. Онъ входилъ въ ихъ нужды и даже во всѣ стороны ихъ жизни, а посему между владыкою и профессорами установилась самая живая духовная

связь, порвавшаяся лишь съ его смертію, горько оплаканною Академіею въ 1878 г.

Возглавлялъ Академію студентъ I-го курса Академіи, высокой души и глубокаго христіанскаго настроенія протоіерей А. П. Владимрскій. Обаятельною отеческою любовію, очаровательною благоснисходительностію и задушевною простотою и доступностью какъ для профессоровъ, такъ и для студентовъ, отличались всѣ его начальственно-воспитательныя мѣры, а посему неудивительно, что онъ пользовался и у профессоровъ, и у студентовъ непререкаемымъ авторитетомъ и самымъ искреннимъ и глубокимъ уваженіемъ. Наименованіе ректора «папашей», или проще, по-русски, «тятькой», было популярно и хорошо знакомо и профессорамъ, и студентамъ и достаточно краснорѣчиво говоритъ само за себя. Чарующая ласка, сердечная отзывчивость, русское широкое гостепріимство и ободряющая самая глубокая вѣра въ торжество правды и справедливости— вотъ чѣмъ обладалъ этотъ незабвенный по истинѣ *отецъ*-ректоръ, не искавшій никогда и ни у кого популярности и даже

рѣдко посѣщавшій своихъ сослуживцевъ по Академіи.

Во главѣ научной жизни Академіи стояли два помощника ректора: И. Я. Порфирьевъ и П. В. Знаменскій. Питомцы старой дореформенной Академіи, по уставу 1869 г., оба они унаслѣдовали лучшія традиціи старой своей Almae Matris и въ моральномъ, и въ научномъ отношеніяхъ. Оба названные профессора, и Порфирьевъ, и Знаменскій, изъ коихъ послѣдній и доселѣ благополучно здравствуетъ, жили преданіями временъ Г. С. Саблукова, Н. И. Ильминскаго, П. П. Гвоздева, Щапова, А. С. Павлова и друг. и уже имѣли за собой почетное имя въ наукѣ. И Порфирьевъ, и Знаменскій, представляя изъ себя не только серьезныхъ кабинетныхъ людей, всецѣло поглощенныхъ научною изыскательностью, но въ то-же время отличались и весьма привлекательными и симпатичными чертами личнаго своего обаятельнаго характера, и оба на удивленіе были награждены Провидѣніемъ хорошо сложившейся семейною жизнію. И тотъ, и другой, благодаря выше указан-

нымъ личнымъ и семейнымъ качествамъ, подавая прекрасный примѣръ своею научною дѣятельностью, не только пріобрѣли заслуженное ими вполнѣ глубокое уваженіе въ профессорской корпораціи, но и имѣли на многихъ изъ сослуживцевъ неотразимое обаяніе и нравственное воздѣйствіе. Изъ талантливыхъ молодыхъ доцентовъ XIII и другихъ курсовъ, питомцевъ просвѣщеннаго ректора Никанора, скончавшагося въ санѣ Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго, образованъ былъ тѣсно сплоченный кружокъ тружениковъ, принявшійся за научное описаніе Соловецкихъ рукописей. Въ этотъ кружокъ вошли въ то время начинающіе доценты, но впослѣдствіи пріобрѣтшіе себѣ почетную извѣстность въ наукѣ: Н. Ѳ. Красносельцевъ, Н. И. Ивановскій, М. И. Богословскій, С. А. Терновскій и др. Къ этому-то кружку примкнулъ и А. В. Вадковскій, усердно и съ громаднымъ успѣхомъ поработавшій для себя и науки надъ описаніемъ, главнымъ образомъ, сборниковъ Златоструи, Измарагды, Учительныя Евангелія и др.

Инспекторомъ Академіи въ мое время былъ извѣстный расколовѣдъ проф. Н. И. Ивановскій, который, будучи гостепріимнымъ, хлѣбосольнымъ хозяиномъ, около себя группировалъ всю академическую корпорацію и домъ его служилъ центромъ, гдѣ академическая семья за дружескою товарищескою трапезою обмѣнивалась другъ съ другомъ по всѣмъ злободневнымъ вопросамъ жизни внѣшней и академической.

Профессорская корпорація, какъ на подборъ, состояла изъ людей даровитыхъ и преданныхъ наукѣ, составившихъ себѣ почетное имя: канонистъ И. С. Бердниковъ, профессоръ сравнительнаго богословія Н. Я. Бѣляевъ, догматическаго богословія Е. А. Будринъ, психологіи В. А. Снигиревъ, метафизики П. А. Милославскій, церковной исторіи Ѳ. А. Кургановъ и С. А. Тирновскій, библейской исторіи Я. А. Богородскій, литургики Н. Ѳ. Красносельцевъ, патрологіи Д. В. Гусевъ, мусульмановѣдъ—протоіерей Е. А. Маловъ, ламаистъ В. В. Миротворцевъ, Св. Писанія М. И. Богословскій. Начинали въ ту пору свою ученую профессорскую дѣятельность Юнгеровъ,

Машановъ, Д. Н. Бѣликовъ, Царевскій, Говоровъ, Виноградовъ и вашъ покорный слуга. Всѣ мы были любовно обласканы въ профессорской коллегіи и приняты всюду, какъ родные. Въ частности Н. Н. Виноградовъ, временно исправлявшій обязанности помощника инспектора (нынѣ почтенный протоіерей, бывшій долгое время инспекторомъ Академіи) и я, какъ самые юные въ академической корпораціи, слыли подъ именемъ «птенцовъ» и пользовались особеннымъ благорасположеніемъ въ средѣ профессорской. Проживая въ зданіи Академіи, мы часто принимали у себя, въ качествѣ желанныхъ гостей, профессоровъ и доцентовъ Академіи, а въ 20 число каждаго мѣсяца, послѣ полученія жалованья, или, какъ мы выражались тогда, послѣ прикосновенія «къ источнику воды живой», въ нашей скромной квартиркѣ сходились почти всѣ, кромѣ почтенныхъ старцевъ, профессора и доценты и за скромною трапезою, съ нѣкоторыми добавленіями по части гастрономіи, обмѣнивались своими волнующими каждаго чувствами и думами. Въ оживленныхъ дебатахъ бесѣды наши

иногда затягивались до поздняго вечера, и всѣ расходились въ самомъ благодушномъ настроеніи. Здѣсь-то мнѣ еще ближе пришлось познакомиться съ симпатичною, задушевною личностью Александра Васильевича, котораго я вмѣстѣ съ своимъ сожителемъ нерѣдко навѣщали и въ его квартирѣ. Вообще слѣдуетъ сказать, что въ описываемое мною время вся академическая корпорація жила тѣсною дружескою семьею, и отношенія въ ней къ старцамъ существовали почтительно-благоговѣйныя, а по отношенію къ экстра-ординарнымъ профессорамъ и доцентамъ задушевныя и товарищескія, въ которыхъ царили простота, откровенность и искренность. Въ этой атмосферѣ чувствовалось и жилось легко, и не работать каждому, смотря на другихъ, казалось стыдно и зазорно.

Научныя занятія въ дружной академической семьѣ надъ предметами излюбленной спеціальности, въ связи съ научною разработкою увлекавшей Александра Васильевича, какъ истиннаго славянофила, исторіи проповѣди у южныхъ славянъ

всецѣло поглотили его вниманіе. Понемногу заживала и острая боль, причиненная потерею любимой супруги, уликвидировались тяготѣвшіе надъ нимъ накопленные долги. Подроставшія дѣти, начавшія обучаться грамотѣ, подъ руководствомъ избраннаго для нихъ учителя, въ лицѣ студента Академіи Бѣляева, впослѣдствіи Экзарха Грузіи Иннокентія, радовали его своими блестящими успѣхами и скрашивали его невольное одиночество. Но вдругъ разразилась надъ головою Александра Васильевича новая бѣда, вынести которую и оплакать своими слезами онъ уже былъ не въ силахъ.

Въ ужасномъ тяжеломъ одиночествѣ очутился Александръ Васильевичъ въ четырехъ стѣнахъ своей вдовьей квартиры. Страшный дифтеритъ, противъ котораго наука въ то время еще не имѣла спасительныхъ медицинскихъ средствъ, и которымъ по-очередно заболѣли его дѣти— оградила жилище Александра Васильевича строгимъ карантиномъ: его перестали посѣщать друзья-товарищи и дамы академической корпораціи, дотолѣ принимавшія

въ немъ живое и даже горячее участіе, опасаясь занести ужасный дифтеритъ въ свои семьи. Порогъ его квартиры переступалъ въ это время только студентъ Бѣляевъ, появленіе котораго у постельки бѣдныхъ страдальцевъ-малютокъ приносило имъ радость и на время какъ бы возвращало ихъ къ жизни. Съ этимъ молодымъ благовоспитаннымъ юношей и могъ только дѣлиться мыслями несчастный отецъ, лишенный какой-либо надежды вернуть дорогихъ малютокъ къ жизни...

Одинъ, безъ помощи постороннихъ, Александръ Васильевичъ дни и ночи просиживалъ у изголовья своихъ малютокъ-страдальцевъ. Остался одинокимъ онъ и тогда, когда, по-очередно, на столѣ въ переднемъ углу у него появлялись гробики милыхъ его сердцу дѣтей, и также въ полномъ одиночествѣ онъ свезъ ихъ на Арское кладбище на могилу ихъ мамы, подъ ея нѣжное крыло. Жуткою и мрачною показалась ему его одинокая квартира, въ которой щебетанье малютокъ недавно еще наполняло сердце его живою радостію. Черныя гнетущія думы овладѣли всѣмъ

существомъ несчастнаго бобыля. Повѣрить кому-либо волнующія и удручавшія его думы и разбитые намѣренія и планы ему не было никакой возможности. Даже сообщеніе съ городскими обывателями для обитателя академической слободки, отдѣленной Арскимъ полемъ съ невылазною грязью, въ осенніе и весенніе мѣсяцы, представляло трудности едва побѣдимыя и тяжелыя. Нѣкоторый просвѣтъ въ его душу вносилъ и теперь лишь жизнерадостный, умный студентъ Бѣляевъ, на долю котораго въ эти черные дни приходилось взять заботу объ Александрѣ Васильевичѣ до мелочей... И эту-то услугу своего молодого друга и ученика высоко цѣнилъ покойный митрополитъ Антоній и заплатилъ за нее самою горячею и искреннею признательностію.

Глубокая религіозность, воспитанная съ дѣтства въ благочестивой семьѣ родителей, пришла на помощь несчастному страдальцу и осѣнила его голову свѣтлою мыслію, что все бывшее съ нимъ отъ Господа, Который указуетъ ему въ этомъ тяжеломъ посѣщеніи иной путь жизни,

гдѣ онъ можетъ обрѣсти покой души и облегченіе страждущаго сердца. Созрѣвшій планъ о постриженіи въ монашество онъ повѣрилъ тотчасъ Казанскому Архіепископу Палладію, который съ величайшей радостью привѣтствовалъ его благое намѣреніе и спѣшилъ вырвать изъ гнетущей его обстановки, напоминавшей ему о пережитыхъ тяжелыхъ жизненныхъ потрясеніяхъ. Владыка Палладій указалъ помѣщеніе Александру Васильевичу въ своемъ архіерейскомъ домѣ, торопилъ его постриженіемъ, прославъ ему въ подарокъ собственную шелковую рясу, и взялъ въ тоже время на себя и заботу о дальнѣйшей его служебной промоціи.

Неожиданная вѣсть о принятіи монашества Александромъ Васильевичемъ поразила всю академическую семью — профессоровъ и студентовъ, такъ какъ въ Казанской Академіи уже давно не только не было профессорскихъ постриженій въ иночество, но даже и студенты ея чуждались, этого высокаго подвига христіанской жизни. Но можно съ полною увѣренностью теперь сказать, что всѣ хорошо знавшіе

А. В. Вадковскаго, въ то время признали этотъ шагъ естественнымъ, и никому въ голову не закралась обидная, но обычная человѣческая мысль, что этотъ путь избирается имъ ради карьеры. Всѣ знали высокое религіозное настроеніе Александра Васильевича, и всѣ напутствовали его самыми искренними, сердечными благопожеланіями на новый путь. Профессоръ А. И. Гренковъ, въ качествѣ хроникера, отмѣчая этотъ знаменательный фактъ въ академической жизни на страницахъ «Православнаго Собесѣдника», писалъ, между прочимъ, слѣдующія интересныя строки: «Изъ нѣдръ нашей Академіи выходитъ не юноша, могущій временно увлечься высокимъ идеаломъ, а зрѣлый мужъ въ полномъ развитіи своихъ духовныхъ силъ. Что убо будетъ отроча сіе? Мы не можемъ знать всѣхъ его убѣжденій, но мы знали его, какъ человѣка, христіанина и товарища и вѣруемъ, что идеалъ монашества найдетъ въ немъ художественное воплощеніе съ своими лучшими и свѣтлыми сторонами».

На первой недѣли Великаго поста въ пятницу, 4 марта, А. В. Вадковскій былъ

постриженъ въ монашество съ именемъ Антонія, въ память незабвеннаго для Академіи добраго покровителя ея, Архіепископа Казанскаго Антонія (Амфитеатрова). Духовнымъ руководителемъ новопостриженнаго былъ назначенъ опытный въ аскетическихъ подвигахъ экономъ архіерейскаго дома, іеромонахъ Амвросій, занимающій нынѣ высокій постъ намѣстника Кіево-Печерской лавры.

Скромный обитатель Академической слободки, дотолѣ почти невѣдомый среди мѣстной казанской интеллигенціи и вращавшійся исключительно въ интимномъ кружкѣ своихъ товарищей-сослуживцевъ, послѣ постриженія въ монашество, неожиданно для себя получаетъ широкую популярность. Теперь іеромонахъ Антоній сдѣлался предметомъ интереса всюду. Весьма многіе стали искать его знакомства и общенія съ нимъ, находить его и высокообразованнымъ, симпатичнымъ и даже красивымъ, особенно это нужно сказать о казанскихъ дамахъ, обыкновенно переполнявшихъ тѣ храмы, въ коихъ приходилось священнодѣйствовать о. Антонію.

Не мало его популярности содѣйствовалъ и Казанскій Архіепископъ Палладій, назначавшій его на служенія съ собою во всѣ торжественные дни, при чемъ нерѣдко поручавшій ему и произнесеніе проповѣдей или рѣчей (такъ было въ храмовой академическій праздникъ, 8 ноября, въ день памяти Кирилла и Меѳодія 12 мая на площади Казани и др.). Вообще слѣдуетъ сказать, что Архіепископъ Палладій, обрадованный пріобрѣтеніемъ для Церкви Божіей человѣка «любомудрствующаго», всюду, гдѣ только можно было, выдвигалъ о. Антонія и старался всячески поддерживать его на пути въ іерархическомъ возвышеніи.

Въ 1883 году, въ лѣтніе каникулы, о. Антоній отправился въ путешествіе въ Петербургъ и Москву для научныхъ занятій въ тамошнихъ библіотекахъ, съ цѣлью завершить свои работы по изученію южно-славянской проповѣднической литературы. Но это несомнѣнно было лишь предлогомъ, а на самомъ дѣлѣ путешествіе предпринималось, по совѣту благожелательнаго владыки Палладія, съ

цѣлью показаться высшему духовному начальству. За это говоритъ и то обстоятельство, что, прибывъ въ С.-Петербургъ 24 іюля, онъ пробылъ здѣсь лишь до конца этого мѣсяца. Но, несмотря на кратковременность пребыванія, тайная цѣль была вполнѣ достигнута. О. Антоній произвелъ весьма пріятное впечатлѣніе на маститаго старца Митрополита Исидора, который обласкалъ его, перемѣстилъ изъ частной квартиры въ лучшее помѣщеніе Лавры и проявлялъ къ нему отеческую особенную благопопечительность, а на прощаніи подарилъ его даже ласковымъ ободряющимъ и многозначительнымъ словомъ: «Мы васъ будемъ имѣть въ виду».

Оберъ-Прокуроръ К. П. Побѣдоносцевъ и его Товарищъ В. К. Саблеръ всѣми зависящими отъ нихъ средствами предупредительно старались сдѣлать пребываніе о. Антонія пріятнымъ и всѣми мѣрами облегчить ему доступъ къ столичнымъ книжнымъ сокровищамъ, обычно закрытымъ въ лѣтнее время.

Изъ С.-Петербурга о. Антоній, въ первыхъ числахъ августа, прибылъ въ Мо-

скву и остановился у своего стараго знакомаго, еще съ студенческой скамьи, разорившагося и больного помѣщика С. И. Замятина, у котораго о. Антоній воспринималъ отъ купели крещенія старшую дочь Клавдію. Въ этой крестницѣ, какъ равно и въ обезпеченіи всей семьи, послѣ смерти Замятина, покойный владыка, до конца своей жизни, принималъ самое горячее участіе и оказывалъ ей значительную матеріальную поддержку [1]).

Въ Москвѣ въ это время для занятій въ тамошнихъ библіотекахъ находился и я. Мало знакомый съ Москвою, о. Антоній разыскалъ меня въ библіотекахъ и пригласилъ сопутствовать ему по Москвѣ, при обозрѣніи достопримѣчательностей ея. Я охотно согласился исполнить его просьбу и цѣлыхъ три дня провелъ съ нимъ неразлучно. Даже визитъ къ московскому владыкѣ-митрополиту Іоанникію въ Черкизово мы совершили совмѣстно,

---

[1]) Объ этой семьѣ подробно говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ товарищъ по Академіи митрополита Антонія А. Л. Крыловъ (Наставленіе и утѣшеніе святой вѣры христіанской 1913, № 8, стр. 365 (Аѳонское изд.).

хотя, во время пріема, я и не былъ въ покояхъ митрополита, а оставался въ саду. Этотъ «суровый» митрополитъ, какъ его характеризовалъ о. Антоній, принялъ профессора-инока весьма сдержанно и рекомендовалъ ему «своими желаніями не руководиться и не заявлять о нихъ, а полагаться на волю своего начальства, стоящаго на стражѣ блага и интересовъ православной Церкви и полезныхъ и нужныхъ дѣятелей никогда не упускающаго изъ виду». Но и на этого «суроваго» ригориста-митрополита симпатичная личность молодого, скромнаго, изящнаго инока, одѣтаго въ черную шерстяную ряску, съ двумя скромными орденками на груди: Св. Станислава 3 ст. и Св. Анны 3 ст., произвела весьма благопріятное впечатлѣніе, которымъ и слѣдуетъ объяснять настойчивое и неоднократно высказанное имъ потомъ въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ желаніе имѣть его у себя ректоромъ Московской Духовной Академіи. Вообще, слѣдуетъ сказать, что о. Антоній остался лично самъ вполнѣ доволенъ своимъ путешествіемъ въ обѣ столицы, и несомнѣнно ими онъ предрѣ-

шилъ свое дальнѣйшее поступательное движеніе въ служебной карьерѣ.

2 ноября 1883 года о. Антоній былъ возведенъ въ санъ архимандрита и чрезъ это еще значительнѣе возвысился въ глазахъ мѣстнаго казанскаго общества. Но вниманіе это, несомнѣнно льстившее о. Антонію, не давало ему, однако, ни душевнаго покоя, ни сердечнаго удовлетворенія. Келлія Іоанно-Предтеченскаго монастыря, гдѣ онъ настоятельствовалъ, несмотря на открывающійся изъ ея оконъ прекрасный видъ на окружающую Казань приволжскую долину, казалась ему и скучной, и мрачной. Душа и сердце подъ иноческой черной рясой рвались и манили его за врата святой обители, къ простымъ, но сердечно его любившимъ старымъ друзьямъ и знакомымъ—въ слободки академическую и госпитальную. По вечерамъ онъ нерѣдко появлялся въ квартирѣ Н. Ѳ. Красносельцева, куда сходились Я. А. Богородскій, Н. П. Виноградовъ, Д. В. Гусевъ и я. Объединенные радушною хозяйкою Н. М. Красносельцевой, мы въ оживленной, дружеской бесѣдѣ, за незатѣй-

ливой трапезой—«чѣмъ Богъ послалъ»—проводили осенніе и зимніе длинные вечера и весьма довольными расходились по домамъ. Спокойнымъ и счастливымъ возвращался послѣ этихъ товарищескихъ бесѣдъ архим. Антоній на монастырской лошадкѣ въ свою обитель.

Въ началѣ марта 1884 года я покинулъ Казань, получивъ назначеніе на штатную каѳедру литургики и церковной археологіи въ Кіевской Духовной Академіи съ званіемъ доцента [1]), а вмѣстѣ съ этимъ и прекратилась моя личная связь съ архимандритомъ Антоніемъ, какъ сослуживцемъ по Академіи. 1-го декабря 1884 года арх. Антоній былъ назначенъ инспекторомъ Казанской Духовной Академіи, въ августѣ 1885 г. перемѣщенъ на ту-же должность съ обязательствомъ читать Св. Писаніе Ветхаго Завѣта въ Петербургскую Духовную Академію, и 17 апрѣля 1887 года назначенъ ея ректоромъ, съ

---

[1]) Въ Казани я былъ приватъ-доцентомъ, читалъ почти два года „Исторію богослуженія въ русской церкви“ и состоялъ помощникомъ библіотекаря академической фундаментальной библіотеки.

возведеніемъ въ санъ епископа Выборгскаго, викарія Петербургской митрополіи.

Отъ природы весьма гуманный, воспитанный въ строгихъ правилахъ христіанскиблагочестивой семьи и получившій весьма солидный закалъ въ Казани въ тѣсно сплоченной товарищеской академической корпораціи, въ которой съ піететомъ къ старшимъ по службѣ сослуживцамъ соединялись и благородное соревнованіе въ научной продуктивности, и безусловное преклоненіе предъ истинными жрецами науки и знанія, арх. Антоній, перейдя изъ Казани въ Петербургъ, перенесъ съ собою всѣ эти прекрасныя традиціи и продолжалъ ими руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ и на новомъ мѣстѣ служенія. Петербургская Академія въ рядахъ своихъ имѣла почтенныя имена, пользовавшіяся научною извѣстностью, какъ, напр., И. Е. Троицкій, Е. И. Ловягинъ, А. Л. Катанскій, И. Ѳ. Нильскій, М. И. Каринскій, М. О. Кояловичъ, О. Г. Елеонскій, Т. В. Барсовъ, протоіерей П. Ѳ. Николаевскій, протоіерей С. А. Солертинскій,

В. В. Болотовъ, И. С. Пальмовъ, А. И. Пономаревъ, архимандритъ Михаилъ (Грибановскій), Н. А. Скабалановичъ, Н. В. Покровскій и др. Арх. Антоній перенесъ и на эту новую товарищескую семью чувства своего глубокаго уваженія и искренняго почтенія, занявъ въ ряду ихъ свое мѣсто, какъ благорасположенный къ нимъ добрый товарищъ. Не мало помогло его популярности въ средѣ профессорской корпораціи и то обстоятельство, что, какъ бы ради вящшаго контраста, во главѣ Академіи стоялъ, хотя и добрый ректоръ епископъ Арсеній (Брянцевъ), но, по своему прошлому не имѣвшій никакого отношенія къ высшей богословской школѣ и наукѣ и, по складу своего практически-жизненнаго ума, не могшій подняться до пониманія высоты того положенія, на какое вознесла его баловница фортуна. Такимъ образомъ, и симпатичныя качества личнаго характера, и пріобрѣтенныя служебнымъ продолжительнымъ опытомъ въ Казанской Академіи чувства товарищеской солидарности, и глубокое уваженіе къ почтеннымъ трудамъ и независимости мнѣ-

ній и сужденій по вопросамъ излюбленной спеціальности каждаго весьма скоро завоевали ему симпатіи въ новой академической семьѣ и создали ему въ лицѣ нѣкоторыхъ даже искреннихъ и горячихъ почитателей.

Студенты Академіи, получивъ самыя точныя свѣдѣнія о личности новаго инспектора отъ своихъ товарищей, студентовъ Казанской Академіи, вступили съ нимъ, съ первыхъ же шаговъ его жизни въ Петербургѣ, въ самыя искреннія и довѣрчивыя отношенія и сохранили ихъ до назначенія владыки Антонія въ Финляндскую епархію. О своихъ трогательныхъ чувствахъ почтительной сыновней любви и глубокаго уваженія къ личности бывшаго своего инспектора и ректора они громко заявили въ краснорѣчивомъ своемъ адресѣ, при прощаніи съ нимъ. Поэтому ничего нѣтъ неестественнаго въ томъ, что владыка Антоній чувствовалъ свое одиночество и скучалъ по Казани и оставленнымъ тамъ своимъ друзьямъ и пріятелямъ лишь въ первые годы своей жизни въ Петербургѣ. Мало-по-малу и одиночество, и скука покинули его и здѣсь. Академическіе про-

фессора и разнообразныя дѣла, а также новыя знакомства въ петербургскомъ высшемъ обществѣ и наблюденіе за преподаваніемъ Закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ—поглощали всего его время и отвлекали его отъ черныхъ думъ, тоски и одиночества.

Послѣ моего отъѣзда изъ Казани въ Кіевъ, сношенія съ владыкою Антоніемъ у меня были только письменныя, такъ какъ, занятый научными работами на православномъ Востокѣ и въ западныхъ библіотекахъ, я не посѣщалъ Петербурга. Изрѣдка я получалъ и отъ него отвѣты и признаю одинъ изъ нихъ весьма любопытнымъ для характеристики личности покойнаго владыки и его петербургскихъ переживаній.

17 апрѣля 1887 года арх. Антоній, назначенный ректоромъ Академіи, былъ хиротонисанъ во епископа Выборгскаго. По этому поводу я написалъ изъ Кіева епископу Антонію привѣтственное благожелательное письмо, на которое онъ 17 мая того же года отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ:

«Многоуважаемый

Алексѣй Аѳанасьевичъ!

Отъ души благодарю Васъ за Ваше доброе, дружеское, благожелательное письмо. Я прочиталъ его съ невыразимою радостью. Оно перенесло мою мысль къ старымъ добрымъ временамъ, въ дорогую Казань, къ дорогимъ гнѣздамъ, гдѣ когда-то весело мы привѣтствовали «птенцовъ». Славное время, славные люди.

Не скажу, чтобы и здѣсь, въ Питерѣ, мнѣ было не уютно. Мнѣ здѣсь тоже хорошо. Я и здѣсь чувствую себя, какъ бы въ родной семьѣ. Но положеніе мое настолько сравнительно съ прежнимъ измѣнилось, что я не могу уже отдаваться непосредственной, беззаботной веселости. *Теперь приходится учиться этикету.* А это нѣсколько отравляетъ гармоничное настроеніе духа. Что дѣлать? Поучимся и этому, но настолько, чтобы сохранить свободу духа и сердечность товарищескихъ отношеній.

Извините за короткое и небрежное письмо. Очень недосужно. Вашей командиров-

кѣ [1]) радуюсь. Сочиненіе Ст. Т. Голубева [2]) читаютъ Кояловичъ [3]) и о. Николаевскій. Митрофану Филипповичу [4]) мой поклонъ.

Не въ Кіевѣ ли Наталья Тимоѳеевна? [5]). Если да, то и ей мой сердечный привѣтъ. Будьте здоровы и счастливы.

Сердечно Васъ любящій

Епископъ *Антоній*».

Не скоро, но весьма наглядно мнѣ пришлось и на дѣлѣ убѣдиться, какъ далеко владыка Антоній ушелъ въ обученіи себя петербургскому «этикету». Въ бытность владыки уже Архіепископомъ Финляндскимъ (1892—1898), когда онъ проживалъ на Синодальномъ Митрофаніевскомъ подворьѣ, на углу Звенигородской и Каби-

---

[1]) Командировка съ ученою цѣлью на православный Востокъ на цѣлый годъ съ пособіемъ въ 900 р. отъ Св. Синода продолжавшаяся съ 1 сент. 1887 по 1 сент. 1888 г.

[2]) С. Т. Голубевъ, доцентъ Кіевской Духовной Академіи, представившій въ Совѣтъ Петербургской Духовной Академіи на степень доктора церковной исторіи свое сочиненіе: „Кіевская Духовная Академія“.

[3]) Профессора Петербургской Духовной Академіи Кояловичъ и о. Николаевскій рецензенты на упомянутое сочиненіе г. Голубева.

[4]) М. Ф. Ястребовъ, проф. Кіевской Академіи и землякъ владыки.

[5]) Мать проф. Кіевской Дух. Акад. Ф. А. Терновскаго.

нетской улицъ, мнѣ пришлось съ ученою цѣлью побывать въ С.-Петербургѣ. Пріѣхалъ я сюда на святки и оставался до второй недѣли Великаго поста. Въ недѣлю блуднаго я рѣшился навѣстить владыку Антонія и посмотрѣть его въ святительскомъ служеніи. Прибывъ на Митрофаніевское подворье съ запозданіемъ, я, за множествомъ богомольцевъ, не могъ пробраться въ самый храмъ и принужденъ былъ стоять всю литургію до конца въ дверяхъ храма. Послѣ возгласа діакона: «Со страхомъ Божіимъ», владыка прочелъ молитву: «Вѣрую, Господи, и исповѣдую», чѣмъ ясно далъ понять, что передъ нимъ стоялъ взрослый причастникъ, готовый приступить къ «чашѣ жизни». Привыкшій, по Кіевской практикѣ, видѣть причастниковъ-паломниковъ почти за каждою литургіею въ теченіе цѣлаго года, я не безъ удивленія присутствовалъ при причащеніи благочестивыхъ взрослыхъ богомольцевъ всего только за двѣ недѣли до Великаго поста. За дальностію своего положенія отъ алтаря я не видалъ, кто былъ причастникомъ въ это необычное время церковнаго года.

По окончаніи литургіи, я, по улицѣ, черезъ парадный входъ со стороны Кабинетской ул., поднялся въ покои владыки и вошелъ въ пріемный залъ. Владыка еще благословлялъ молящихся въ храмѣ. Чрезъ нѣсколько минутъ владыка вошелъ въ залъ чрезъ дверь, соединяющую залъ съ храмомъ, и привѣтливо поздоровался со мною. За владыкою вошла какая-то дама — очевидно, бывшая причастница настоящаго дня. Владыка, познакомивъ наскоро насъ, удалился во внутреннія комнаты, чтобы переодѣться. Такъ какъ у насъ оказались общіе знакомые по Кіеву и Ривьерѣ, то у меня съ новою незнакомкою завязался непринужденный разговоръ, прерванный лишь съ возвращеніемъ владыки. Былъ предложенъ обоимъ намъ чай, а затѣмъ владыка пригласилъ насъ откушать съ нимъ хлѣба-соли. Меню владыки было слѣдующее: уха изъ мелкой рыбы, отварной сигъ съ картофелемъ и манная кашка. Послѣ обѣда я постарался тотчасъ же откланяться владыкѣ, получивъ при этомъ приглашеніе побывать у него какъ-нибудь вечеркомъ, часовъ въ 5, къ

чаю. Чрезъ два часа послѣ владычней трапезы, я съ аппетитомъ ѣлъ въ ресторанѣ свой обычный обѣдъ...

Прошло нѣсколько дней и я рѣшился повторить свой визитъ къ владыкѣ, пріурочивъ его къ вечернему времени. Пришелъ я на Митрофаніевское подворье, однако, съ опозданіемъ минутъ на 20. Служка владыки объявилъ мнѣ, что владыка не вполнѣ здоровъ, и онъ затрудняется сказать приметъ ли владыка меня. Я просилъ доложить ему о моемъ визитѣ, имѣя въ виду, что въ скоромъ времени я долженъ буду покинуть Петербургъ. Владыка былъ милостивъ и просилъ меня пройти къ нему въ спальню, гдѣ онъ сидѣлъ за работою по переводу церковно-богослужебныхъ книгъ на финскій языкъ. У насъ быстро завязалась оживленная бесѣда объ исправленіи нашихъ богослужебныхъ книгъ вообще и архіерейскаго «Чиновника» въ частности. Я говорилъ владыкѣ, что «Чиновникъ» этотъ, исправленный кіевскимъ ученымъ справщикомъ, монахомъ Евѳиміемъ, въ 1677 году, при патріархѣ Іоакимѣ, остается

доселѣ въ крайне неуклюжей и неудобочитаемой по тексту формѣ дословнаго перевода съ греческаго языка (напр., «второ-ствуяй», вмѣсто второй, «нанедренникъ», вмѣсто энколтіонъ или панагія, «наколѣнникъ», вмѣсто палица или эпигонатій, «шапка» вмѣсто митра и т. д.), но даже и съ погрѣшностями догматическаго характера. Въ чинъ, напр., литургіи Св. Василія Великаго изъ греческаго евѳхологія, напечатаннаго въ Римѣ и перепечатаннаго въ 1602 г. въ Венеціи, была занесена и сохраняется доселѣ слѣдующая тирада: «Архіерей преклоняетъ главу, *воздвигъ десницу свою съ благоговѣніемъ, благословляетъ святый хлѣбъ,* возглашаетъ, глаголя: «Даде святымъ своимъ ученикомъ и апостоломъ рекъ: «Пріимите, ядите...» Возглашаетъ архіерей, *руку имѣяй свыше съ благоговѣніемъ и благословляя,* глаголетъ: «Даде святымъ своимъ ученикомъ и апостоломъ рекъ: «Пійте отъ нея вси». Эта особенность до 1699 года была и въ іерейскомъ Служебникѣ, но, въ силу возникшихъ споровъ между кіевскими и московскими учеными по вопросу о моментѣ пресуществленія Св. Даровъ, по

указанію патріарха Адріана, была отсюда удалена.

— Какъ же это мы, архіереи, не замѣчаемъ этой странной особенности? живо переспросилъ меня владыка.

— По очень простой причинѣ, отвѣчалъ я: Вы, архіереи, учитесь служить литургію по іерейскому Служебнику, а когда вамъ, послѣ архіерейской хиротоніи, подносятъ «Чиновникъ», то на самой литургіи вы читаете лишь евангельскимъ шрифтомъ напечатанныя молитвы литургіи, которыя имѣютъ лишь самыя незначительныя особенности въ текстѣ, а читать киноварныхъ замѣчаній въ «Чиновникѣ» вамъ нѣтъ времени. Мы, профессора, наоборотъ, «Чиновникъ» архіерейскаго священнослуженія читаемъ дома, въ ученомъ кабинетѣ, и больше обращаемъ вниманія на киноварныя замѣчанія, чѣмъ даже на самый текстъ литургійныхъ молитвъ.

Такимъ образомъ оживленно бесѣдуя по вопросу, одинаково насъ интересовавшему, владыка, прервавъ разговоръ, неожиданно освѣдомился: «а Вы пили чай?» «Нѣтъ», спокойно отвѣчалъ ему я. «Я раз-

считывалъ на Вашъ чай». Владыка распорядился приготовить самоваръ и сервировать чайный столъ въ той-же спальнѣ, гдѣ мы сидѣли. Служка исполнилъ приказаніе владыки и чрезъ небольшой промежутокъ времени въ спальню былъ принесенъ чайный столикъ, накрытый безукоризненной чистоты скатертью. На столикѣ появился небольшой изящный тумпаковый самоваръ и чайный приборъ тончайшаго фарфора. Подъ руки владыки положено было художественной работы чайное полотенце. Владыка, присѣвъ къ столику, исполнялъ обязанности самой щепетильной предупредительной хозяйки: онъ тщательно вытиралъ полотенцемъ безукоризненно вымытыя раньше чашечки, сквозь чайное серебряное ситичко наливалъ изъ чайника чай, внимательно, аккуратно накладывая серебряными щипцами кусочки сахару и, затѣмъ, подавая мнѣ эту изящную маленькую чашечку, предлагалъ печенья, варенья или лимона. Такъ вся эта процедура и обстановка мало напоминали мнѣ простоту и патріархальность скромнаго обитателя Мильмановскаго дома Ака-

демической слободки. Опорожнивъ маленькую чашечку довольно быстро, я попросилъ владыку налить мнѣ вторую чашку. Владыка повторилъ съ методическою точностью вышеописанную процедуру наполненія чаемъ второй чашки, при чемъ, вынувъ изъ кармана безукоризненной чистоты платокъ, отеръ имъ свой лобъ. Я понялъ, что продолжать чаепитіе дальше было бы не удобно и, окончивъ вторую чашечку, сталъ благодарить владыку за гостепріимство. Вставая изъ-за столика, онъ попросилъ меня перейти къ нему въ кабинетъ, такъ какъ отъ самовара въ спальнѣ сдѣлалось якобы довольно тепло. Въ кабинетѣ я не утомлялъ владыку продолжительною бесѣдою и скоро простился съ нимъ, заявивъ, что выѣзжаю въ Кіевъ. Часовъ около 9 вечера я уже безъ «этикета» заканчивалъ свой вечерній чай въ номерѣ той гостиницы, въ которой имѣлъ временное пребываніе въ Петербургѣ.

Съ назначеніемъ владыки Антонія въ 1898 году на каѳедру митрополита Петербургскаго и Ладожскаго, у меня съ нимъ не прерывалась связь, и по временамъ я

безпокоилъ его письмами съ разнаго рода просьбами и ходатайствами, которыя въ большей части выполнялись владыкою. Не могу здѣсь скрыть, что я нерѣдко тревожилъ владыку Антонія ходатайствами за своихъ бывшихъ товарищей по Казанской Академіи или за бывшихъ учениковъ по Кіевской Академіи, почему-либо обиженныхъ судьбою и не могшихъ подняться до того положенія, какое, по моему мнѣнію, имъ принадлежало по ихъ природнымъ дарованіямъ и нравственнымъ качествамъ, а равно и по ихъ скромной, но полезной дѣятельности на томъ служебномъ посту, какой они занимали и гдѣ несправедливо терпѣли иногда крушеніе и подвергались начальственному «особому усмотрѣнію». Замѣчательно, что къ этимъ обиженнымъ судьбою людямъ владыка Антоній былъ особенно благосклоненъ и внимателенъ. Я ходатайствовалъ предъ владыкою о своемъ товарищѣ по Академіи Владимірѣ (Благоразумовѣ), о бывшемъ Благовѣщенскомъ епископѣ, скончавшемся въ 1914 г. на покоѣ въ Нѣжинскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ. Когда о. Владиміръ, послѣ своей весь-

ма усердной просвѣтительно-миссіонерской дѣятельности на Волыни, долгое время, въ качествѣ наставника Кишиневской Духовной Семинаріи, кое-какъ ютился въ архіерейскомъ домѣ и влачилъ жалкое свое существованіе, я просилъ владыку обратить на него свое милостивое вниманіе. Послѣ моего письма, о. Владиміръ былъ вызванъ въ Петербургъ, назначенъ младшимъ цензоромъ и потомъ получилъ дальнѣйшее іерархическое и служебное повышеніе, пользуясь благоволеніемъ владыки и впослѣдствіи, хотя служебная епархіальная дѣятельность еп. Владиміра, не лишена была шероховатостей, и не всегда находила у владыки одобреніе. Онъ жалѣлъ его, какъ нервнаго, больного человѣка—старца, который не могъ взять себя въ руки и не былъ въ силахъ сдерживать свои безпокойные сердечные порывы, вытекавшіе иногда изъ побужденій самыхъ благородныхъ и высокихъ.

Замолвилъ я доброе слово предъ почившимъ владыкою и за епископа Ѳеодосія (Олтаржевскаго), скончавшагося въ 1914 г. въ санѣ епископа Оренбургскаго

и Тургайскаго, когда онъ, за отказъ отъ назначенія на должность ректора Казанской Духовной Академіи, Святѣйшимъ Синодомъ, какъ ослушникъ, былъ сосланъ въ Бизюковъ монастырь (Херсонской епархіи) на положеніе рядового братчика онаго и терпѣлъ тамъ всякаго рода лишенія. Изобразивъ его тяжелое душевное состояніе и ужасающую нищету положенія, приводившую еп. Ѳеодосія къ необходимости обращаться за средствами даже въ количествѣ 10 р. къ престарѣлой своей матери, я просилъ митрополита Антонія облегчить участь невольно впавшаго въ опалу молодого епископа. Владыка былъ милостивъ, внялъ моей просьбѣ и въ скоромъ времени рекомендовалъ еп. Ѳеодосія въ викаріи Полтавской епархіи, откуда онъ былъ, въ непродолжительномъ времени, избранъ ректоромъ родной ему Кіевской Академіи, а отсюда получилъ назначеніе и на самостоятельную Оренбургскую епархію. Нынѣ уже не секретъ это мое вмѣшательство въ судьбу владыки Ѳеодосія, такъ какъ письма митрополита Антонія къ нему были напечатаны въ некрологѣ сего епископа,

на страницахъ Оренбургскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Исключительныя, почти анекдотическаго характера, превратности судьбы, нынѣ здравствующаго Владикавказскаго владыки Антонина, его безспорныя, незаурядныя духовныя дарованія и упорная несокрушимая настойчивость въ научныхъ трудахъ въ области изученія текста книгъ Св. Писанія, въ связи съ его стоическимъ спокойствіемъ и малороссійскимъ юморомъ, обнаруженномъ блестящимъ образомъ на его магистерскомъ коллоквіумѣ, дали мнѣ твердое основаніе рекомендовать о. Антонина (Грановскаго) владыкѣ митрополиту Антонію и просить его указать этому талантливому человѣку примѣненіе своихъ силъ и накопленной упорнымъ трудомъ эрудиціи. И на сей разъ митрополитъ Антоній не былъ глухъ къ моей рекомендаціи. О. Антонинъ вскорѣ появляется въ Петербургѣ въ качествѣ духовнаго цензора, заявляетъ о себѣ оригинальными своими сужденіями на, такъ называемыхъ, философскихъ собраніяхъ и въ повременной печати и дѣлается настолько близ-

кимъ къ почившему митрополиту Антонію, что послѣдній рѣшается избрать его даже своимъ ближайшимъ помощникомъ по епархіальному управленію, въ качествѣ викарія Петербургской епархіи. Достопочтенному собранію хорошо памятна дѣятельность въ епархіи епископа Антонина и вѣрю, что не забыто имъ то время, когда онъ скромно ютился въ качествѣ рядового братчика Сергіевской пустыни, Петроградской епархіи, получая на свое содержаніе отъ щедротъ митрополита по 50 руб. въ мѣсяцъ. Трудно забыть такъ же и то, какъ епископъ Антонинъ отблагодарилъ своего благодѣтеля въ тяжелыя предсмертныя недѣли его земного существованія. Епископъ Антонинъ въ числѣ немногихъ преданныхъ и близкихъ митрополиту Антонію (архіепископъ Иннокентій и епископъ Никандръ) проводилъ дни и ночи у изголовья тяжко больного владыки и своею сыновнею горячею любовью и всецѣлою преданностію ему поразилъ всѣхъ, заслуживъ этимъ, какъ извѣстно, и забвеніе вольныхъ и невольныхъ своихъ прегрѣшеній со стороны высшаго церковнаго чиноначалія.

Не буду называть имена другихъ доселѣ здравствующихъ нашихъ іерарховъ, въ судьбѣ которыхъ митрополитъ Антоній, какъ мнѣ хорошо извѣстно, принималъ горячее участіе, а скажу лишь нѣсколько словъ о личныхъ своихъ отношеніяхъ и просьбахъ къ владыкѣ митрополиту, которыя большею частію также не оставлялись имъ безъ вниманія и исполненія.

Въ 1899 году, на 45 году своей жизни, я вступилъ въ бракъ съ А. И. Никоновою, имѣвшей отъ роду 25 лѣтъ. Сообщивъ владыкѣ митрополиту объ этой перемѣнѣ въ своей жизни, я черезъ нѣкоторое время получилъ отъ него *шутливое*, весьма характерное и по многимъ причинамъ оказавшемся потомъ провиденціальнымъ письмо, датированное 4 апрѣля 1890 года.

«Возлюбленнѣйшій
Алексѣй Аѳанасьевичъ.

Сегодня ровно 4 мѣсяца, какъ я получилъ Ваше письмо. Какъ видите, относительно переписки я также не торопливъ, какъ и Вы неторопливымъ оказались въ женитьбѣ. Но лучше поздно, чѣмъ никогда,

и я сердечно радуюсь, что Вы обзавелись, наконецъ, своимъ теплымъ уголкомъ, пріобрѣли подругу жизни. Молитвенно желаю, чтобы жизнь Ваша была радостная, свѣтлая, счастливая. Вашей супругѣ навѣрно съ Вами много будетъ хлопотъ. Хоть Вы и молодой теперь, но все же были старымъ холостякомъ. А вѣдь всѣ старые холостяки—порядочные чудаки, а часто даже и совсѣмъ бываютъ дикари. Приручить такого дикаря, да еще книжника и профессора, далеко не легкое дѣло. Ну помоги же Вамъ обоимъ Господь.

Надѣюсь, что какъ бывшій «юный птенецъ», какъ мы величали Васъ въ Казани, Вы не обидитесь на меня за эти мои шутливыя строки. Я же опять повторю, что сердечно за Васъ радуюсь.

О тѣхъ дѣлахъ, о которыхъ Вы писали, въ Сѵнодѣ доклада никакого не было, и потому ничего о нихъ сказать не могу.

Поздравляю Васъ и молодую супругу съ свѣтлымъ праздникомъ и шлю Вамъ обоимъ пасхальный привѣтъ.

Христосъ Воскресе!

Просите супругу Вашу учить Васъ правиламъ вѣжливости. Вы мнѣ въ письмѣ представили Вашу супругу, но по имени ее не назвали. Не думаю, что въ данномъ случаѣ въ отношеніи къ Вашей супругѣ Вы соблюли надлежащую вѣжливость. Храни Васъ Господь.

Сердечно Вамъ преданный М. А.»

Въ 1890 году епископъ Уманскій Сергій (Ланинъ), викарій Кіевской митрополіи, скончавшійся въ санѣ архіепископа Ярославскаго, убѣдилъ меня приняться за составленіе: [1]) «Ставленника» или историко-археологическаго и канонически-процессуальнаго объясненія—и изложенія всѣхъ чиновъ хиротесій и хиротоній. Въ чинѣ епископской хиротоніи меня заинтриговала форма архіерейской присяги, историческая судьба которой представляетъ громадный

[1]) Руководство для священно-церковно-служителей и избранныхъ въ епископа, при ихъ хиротоніяхъ, посвященіяхъ и награжденіяхъ знаками духовныхъ отличій, съ подробнымъ объясненіемъ всѣхъ обрядовъ и молитвословій. Кіевъ. 1904 г. Посвященіе: Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнѣйшему митрополиту Петербургскому и Ладожскому Антонію съ чувствомъ глубокой признательности посвящаетъ благодарный ученикъ.

научный интересъ. Не имѣя возможности получить въ Кіевѣ необходимые отвѣты и волновавшіе меня вопросы, я обратился въ Петербургъ—за разрѣшеніемъ ихъ—къ покойному литургисту протоіерею К. Т. Никольскому и къ владыкѣ митрополиту Антонію. Послѣдній не только далъ мнѣ необходимыя справки, но и сообщилъ выдержки изъ дѣлъ Святѣйшаго Сѵнода по этому вопросу и прислалъ мнѣ даже новый, исправленный имъ чинъ архіерейской присяги. Это послѣднее обстоятельство возложило на меня нравственный долгъ свою книгу «Ставленникъ» посвятить владыкѣ, какъ своему незабвенному учителю. Книга эта въ хорошемъ переплетѣ, по выходѣ ея въ свѣтъ, была направлена владыкѣ, который, къ удивленію моему, сверхъ всякаго моего ожиданія, оставилъ это мое поднесеніе съ посвященіемъ безъ всякаго отвѣта. Объясненія этого непонятнаго для меня обстоятельства я постѣснился искать у самого владыки, и его молчаніе осталось для меня загадкою.

О перепискѣ своей съ митрополитомъ Антоніемъ по поводу трогательнаго письма

моей 16-тилѣтней разслабленной и нѣмой племянницы Любы къ незабвенной памяти о. Іоанну Кронштадтскому, къ которому почившій владыка питалъ самыя глубокія и искреннія чувства любви и уваженія [1]), съ просьбою помолиться объ ея исцѣленіи, я имѣлъ случай вести обстоятельную рѣчь въ собраніи Общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Церкви православной, посвященномъ памяти о. протоіерея Іоанна Ильича Сергіева—Кронштадтскаго (См. Церк. Вѣд. 1911 г. № 50, стр. 2211—2212).

Въ 1905 году, когда, по ходатайству бывшаго Вице-Предсѣдателя Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества Н. М. Аничкова, Оберъ-Прокуроръ Св. Сунода П. П. Извольскій пожелалъ вызвать меня въ С.-Петербургъ для участія въ Предсоборномъ присутствіи, то владыка митрополитъ Антоній не только

---

[1]) Весьма любопытные факты этого благорасположенія къ о. І. И. Сергіеву сообщаетъ въ своихъ воспоминіяхъ о митрополитѣ Антоніи А. Крыловъ (Наставленія и утѣшенія святой вѣры христіанской. 1913 г. № 9, стр. 41).

охотно согласился на этотъ вызовъ, но потомъ на всѣхъ засѣданіяхъ этого совѣщанія всегда самымъ благосклоннымъ образомъ выслушивалъ мои иногда весьма обширныя реплики по вопросамъ церковно-практическаго и литургическаго характера. Впрочемъ, здѣсь не лишне упомянуть и о томъ, что митрополитъ Антоній на этомъ совѣщаніи, какъ предсѣдатель, проявилъ и вообще поразительную толерантность къ сужденіямъ членовъ совѣщанія самаго разнообразнаго склада убѣжденій и темперамента, умѣло и весьма искусно всегда водворялъ чѣмъ нибудь нарушенный неспокойнымъ ораторомъ порядокъ и прекрасно подводилъ резюме всего высказаннаго. Все это, конечно, давалось владыкѣ митрополиту Антонію не легко, и только сила воли могла дать ему энергію благополучно довести до конца это «Совѣщаніе».

Одновременно съ оживленными дебатами въ Предсоборномъ присутствіи, шли не менѣе оживленныя бесѣды по вопросамъ церковно-бытовымъ и литургическимъ въ залѣ религіозно-нравственнаго

просвѣщенія въ духѣ Церкви православной, на Стремянной,—на такъ называемыхъ, пастырскихъ собраніяхъ съ участіемъ церковныхъ старостъ. Митрополитъ Антоній находилъ и время, чтобы посѣщать эти собранія, и силы, чтобы принимать на нихъ самое живое участіе. По приглашенію владыки и даже въ его каретѣ, выпала и на мою долю честь бывать на этихъ достопамятныхъ собраніяхъ. На одномъ изъ нихъ я даже выступилъ съ докладомъ «о Чашѣ жизни», который, къ глубокому сожалѣнію, какъ извѣстно многимъ членамъ Общества, не былъ дослушанъ до конца и вызвалъ протесты со стороны нѣкоторыхъ членовъ собранія. Владыка митропопитъ Антоній, въ видахъ успокоенія взволнованныхъ умовъ, рѣшился сказать и свое авторитетное слово въ защиту доводовъ, приведенныхъ мною, чѣмъ, какъ извѣстно, подалъ поводъ своимъ недоброжелателямъ злословить его потомъ въ печати.

Ко времени засѣданій «Предсоборнаго присутствія», какъ извѣстно, относится появленіе въ печати и гнуснаго пасквиля на

митрополита Антонія доктора Дубровина. Этотъ пасквиль глубоко поразилъ всѣхъ искреннихъ почитателей владыки Антонія, и среди членовъ Предсоборнаго присутствія тотчасъ же возникла мысль выразить единодушно свое глубокое сочувствіе своему талантливому и симпатичному предсѣдателю. По подпискѣ была куплена икона и, по окончаніи одного изъ засѣданій, поднесена митрополиту Антонію, при чемъ архіепископъ Финляндскій Сергій въ трогательной рѣчи выразилъ отъ лица Присутствія волнующія всѣхъ чувства негодованія по адресу пасквилянта и самое горячее сочувствіе къ личности и высокимъ нравственнымъ качествамъ своего предсѣдателя. Взволнованный неожиданностью чествованія, владыка сердечно благодарилъ членовъ Предсоборнаго присутствія и открыто заявилъ, что онъ прощаетъ врагамъ своимъ эту жестокую обиду. «Пусть Богъ имъ будетъ Судія», закончилъ свою отвѣтную рѣчь митрополитъ Антоній къ членамъ Присутствія.

Въ 1907 году 21 мая я встрѣтился съ митрополитомъ Антоніемъ въ Новомъ Пе-

тергофѣ въ большомъ дворцѣ. Въ этотъ день, по случаю 25-ти лѣтняго существованія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, владыка митрополитъ, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, многихъ Великихъ Князей, министровъ, членовъ Святѣйшаго Синода, избранныхъ членовъ Общества и его Совѣта, совершалъ Господу Богу благодарственное молебствіе, а затѣмъ присутствовалъ въ купеческомъ залѣ дворца на торжественномъ засѣданіи Общества. Здѣсь по должности и. о. секретаря Общества на меня выпала высокая честь, въ присутствіи Ихъ Величествъ и избраннѣйшихъ Особъ духовнаго и свѣтскаго общества, произнести рѣчь на тему: «Державные защитники и покровители Св. Земли и Августѣйшіе паломники у Живоноснаго Гроба Господня».

Подготовляясь къ этому рѣдкостному по торжественности обстановки засѣданію въ Петергофскомъ Дворцѣ, посѣдѣвшіе въ изученіи всѣхъ тонкостей придворнаго этикета, освѣдомлялись у меня о размѣрахъ и содержаніи моей рѣчи и давали указа-

нія, въ какомъ темпѣ и тонѣ произносить ее, гдѣ стоять за столомъ засѣданія, расположенномъ въ видѣ покоя, не обременять вниманія Августѣйшихъ слушателей болѣе 12-15 минутъ, а также какъ держать себя въ томъ случаѣ, если Государь Императоръ соблаговолитъ удостоить меня милостиваго разговора и т. д.

Непривычный къ произнесенію рѣчей въ подобной аудиторіи я, откровенно говоря, чувствовалъ себя не вполнѣ спокойно. Но, когда наступилъ моментъ произнесенія рѣчи, тревога моя, съ перваго же слова, совершенно исчезла и я забывъ о данныхъ мнѣ наканунѣ предостереженіяхъ и замѣчаніяхъ, произнесъ рѣчь ясно и отчетливо, съ привычною для меня, по студенческой аудиторіи, манерою. Рѣчь хотя и затянулась на 18 минутъ, но по общему отзыву моихъ высокихъ слушателей, манера произнесенія ея, всѣхъ ихъ удовлетворила. Государь Императоръ милостиво благодарилъ меня рукопожатіемъ и соизволилъ освѣдомиться у меня о прошлой моей служебной карьерѣ.—Когда, послѣ засѣданія, всѣмъ гостямъ былъ пред-

ложенъ въ Петровскомъ Залѣ чай, то ко мнѣ подошелъ покойный владыка митрополитъ Антоній и, поблагодаривъ за рѣчь, прибавилъ слѣдующее: «А я Алексѣй Аѳанасьевичъ, во время произнесенія Вами рѣчи, мысленно перенесся въ дорогую намъ Казань, въ родную Академію. Настоящая роскошная аудиторія, Августѣйшіе и сановитые ваши слушатели по контрасту напомнили мнѣ скромную академическую студенческую комнату для вечернихъ занятій, гдѣ мы съ вами занимались на IV курсѣ практическими уроками по гомилетекѣ. Можно ли было предполагать, что мы встрѣтимся съ вами при такой обстановкѣ? Неисповѣдимы судьбы Твои, Господи, — закончилъ свою рѣчь владыка, сдѣлавъ на себѣ при этомъ крестное знаменіе.

Съ переходомъ въ декабрѣ 1907 года на постоянное жительство въ Петербургъ, занявъ мѣсто секретаря въ Императорскомъ Православномъ Палестинскомъ Обществѣ, я уже видѣлся съ покойнымъ владыкою довольно часто. Обычно являлся я къ пяти часамъ прямо къ вечернему

чаю. За чашкой чаю мы чаще всего бесѣдовали по церковнымъ вопросамъ, относящимся къ жизни современнаго православнаго Востока. Владыка интересовался всѣми восточными патріархатами, но его особенное вниманіе приковали къ себѣ выдающіяся личности почившаго вселенскаго патріарха Іоакима III и Александрійскаго патріарха Фотія (Пероглу), донынѣ здравствующаго. «Вотъ вашъ-то другъ (такъ обыкновенно владыка называлъ патріарха Фотія, съ которымъ мнѣ пришлось четыре мѣсяца раздѣлять на Синаѣ его ссылку, а затѣмъ защищать его въ печати отъ несправедливыхъ нареканій въ руссофобствѣ), не отвѣчаетъ мнѣ ни на мои братскія посланія, ни на мои поздравительныя телеграммы, по случаю праздниковъ Рождества Христова и Св. Пасхи. Ну, что же — это его дѣло, *а я по прежнему буду докучать ему своими телеграммами*» [1]).

---

[1]) Патріархъ Фотій, во время моего свиданія съ нимъ въ Каирѣ въ 1910 г., выражалъ мнѣ къ личности митрополита Антонія самыя глубокія чувства симпатіи и уваженія и собирался прервать свое *обѣтное* молчаніе, причины котораго лежатъ въ оставленіи безъ отвѣта Русскимъ Святѣйшимъ Сунодомъ протеста противъ его не-

Когда возникло въ 1908 году арабское движеніе въ Іерусалимѣ, повлекшее за собою временное низложеніе здравствующаго доселѣ престарѣлаго, слабохарактернаго патріарха Даміана, митрополитъ Антоній живо слѣдилъ за всѣми перипетіями этой траги-комедіи и въ день Рождества Христова привѣтствовалъ низложеннаго патріарха глубоко-сердечною и теплою телеграммою, которая, какъ мнѣ потомъ въ 1910 году признавался блаженнѣйшій Даміанъ, была свѣтлымъ лучемъ въ его скорбной душѣ и не будетъ имъ забыта до самой смерти.

Въ одинъ изъ такихъ вечернихъ визитовъ къ владыкѣ я засталъ у него Марію Николаевну Дондукову-Корсакову, которая была близка къ почившему владыкѣ по его тюремной дѣятельности. Во время нашей бесѣды владыкѣ доложили о визитѣ къ нему доктора Дубровина. Владыка тотчасъ покинулъ чайный столъ, пошелъ переодѣлся, надѣлъ панагію и бѣлый кло-

---

справедливой и жестокой ссылки въ Синайскій монастырь на семь лѣтъ патріархомъ Іерусалимскимъ Никодимомъ I.

букъ и, назвавъ имя своего визитера, попросилъ насъ удалиться во внутренній кабинетъ близъ Крестовой и вышелъ въ гостинную. Мы съ Маріею Николаевной вели оживленную бесѣду по разнымъ религіознымъ вопросамъ и не слыхали, что происходило въ гостинной.

Чрезъ полчаса времени вошелъ къ намъ взволнованный владыка и заявилъ, что докторъ Дубровинъ просилъ у него прощенія за причиненное ему литературнымъ пасквилемъ оскорбленіе, «Слава Тебѣ, Господи! Быть можетъ однимъ врагомъ у меня станетъ меньше», прибавилъ владыка, перекрестившись.

О покойномъ митрополитѣ Антоніи существовало у нѣкоторыхъ предвзятое убѣжденіе, что это былъ человѣкъ слабохарактерный. «Кто нашего митрополита, какъ метлу возьметъ, тотъ и мететъ», говаривали про него люди, мало имѣвшіе случай близко его наблюдать. Очевидно, его прирожденную деликатность въ обращеніи со всѣми, его рѣдкую терпимость ко мнѣніямъ и взглядамъ, даже ему непріятнымъ, полное отсутствіе у него желанія подавить

или даже уничтожить личность своимъ авторитетомъ и сильнымъ жестокимъ словомъ,—принимали за его безхарактерность. Я, зная близко владыку Антонія, могу засвидѣтельствовать, что онъ былъ не только человѣкомъ съ характеромъ, но подчасъ даже настойчивымъ до упрямства. Я не буду останавливать вниманіе настоящаго собранія на событіи, многимъ изъ присутствующихъ здѣсь, памятномъ и относящемся къ 1886 году, когда владыка Антоній, въ ту пору архимандритъ и инспекторъ Петербургской Академіи, по поводу одной непріятной студенческой исторіи такъ «погорячился», какъ онъ самъ охарактеризовалъ этотъ инцидентъ, что послалъ «рѣзкое письмо» ректору Академіи епископу Арсенію съ заявленіемъ, что къ Пасхѣ онъ даже подастъ прошеніе объ отставкѣ, дабы, послѣ путешествія на православный Востокъ—въ Палестину съ паломническою цѣлью, потомъ поселиться на Аѳонѣ или въ другомъ какомъ-либо «пустынномъ монастырѣ». Я здѣсь въ доказательство своей характеристики постараюсь изложить болѣе или менѣе подробно одно

важное событіе, имѣвшее мѣсто уже въ періодъ болѣзненнаго состоянія владыки, не за долго до его смерти, когда онъ уже не чувствовалъ надъ собой той твердой почвы, которая была подъ его ногами въ первые годы его митрополичьяго служенія въ Петербургѣ.

Въ 1910 году, при поддержкѣ высокопреосвященнаго митрополита Московскаго Владиміра, Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елисавета Ѳеодоровна, создавшая въ Москвѣ Марѳо-Маріинскую общину, возбудила въ Святѣйшемъ Синодѣ ходатайство объ утвержденіи составленныхъ (31 марта 1910 г.)—общихъ чиновъ «како пріимати обѣтъ сестрамъ и настоятельницѣ Марѳо-Маріинскія обители милосердія» и «постановленія настоятельницы Марѳо-Маріинскія обители милосердія» съ пояснительною запискою подъ заглавіемъ: «Временный уставъ Марѳо-Маріинской обители милосердія о цѣляхъ и задачахъ обители». Вопросъ этотъ нѣсколько осложнился, такъ какъ въ «чинахъ» замѣчено было сходство съ чиномъ діакониссъ, имѣвшемъ мѣсто въ практикѣ

древне христіанской Церкви и выпадшемъ изъ нея въ XII вѣкѣ, когда прекратилъ существованіе въ православной Церкви и самый институтъ діакониссъ. Въ обществѣ явилось въ это время даже и такое теченіе мысли, чтобы возстановить институтъ діакониссъ во всемъ объемѣ и даже съ тѣми внѣшними богослужебными отличіями и правами, какими пользовались причисляемыя къ церковному клиру «старицы» этого наименованія. Изъ писемъ о. духовника Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны, писанныхъ ко мнѣ по этому вопросу, было ясно, что Ея Высочество даже была непрочь получить хиротессію въ діакониссы, если бы Святѣйшій Синодъ потребовалъ отъ нея этого посвященія.

Въ январѣ 1911 года я получилъ отъ Управляющаго Канцеляріей Святѣйшаго Синода С. П. Григоревскаго предложеніе дать «въ самомъ непродолжительномъ времени» свой отзывъ объ этихъ чинахъ для доклада Святѣйшему Синоду. Одновременно такой же запросъ былъ направленъ къ извѣстному канонисту покойному профессору И. С. Бердникову въ Казань.

Хотя наши отзывы и не совпадали по существу, но оба мы находили возможнымъ *безпрепятственно возстановить* въ нашей практикѣ древній чинъ діакониссъ во всемъ его объемѣ, такъ какъ, по свидѣтельству древнихъ канонистовъ, чинъ этотъ вышелъ изъ практики, за отсутствіемъ потребности въ институтѣ діакониссъ, а самое наименованіе продолжало жить въ церковной практикѣ нѣсколько позднѣе XII вѣка. Во всякомъ случаѣ *соборнаго опредѣленія* касательно прекращенія чина діакониссъ не извѣстно. Одновременно съ нами, какъ мнѣ хорошо извѣстно, продолжалъ работать по тому же вопросу и высокопреосвященный митрополитъ Владиміръ, собравшій огромную литературу о чинѣ діакониссъ и о существованіи этого института въ нашей древне-церковной практикѣ, имѣя въ виду, конечно, явиться въ Святѣйшій Синодъ во всеоружіи, чтобы провести интересовавшій его вопросъ въ Святѣйшемъ Синодѣ безъ особыхъ затрудненій.

Но, несмотря на то, что докладчикомъ и защитникомъ по вопросу о діакониссахъ являлся одинъ изъ старѣйшихъ и почтен-

нѣйшихъ членовъ Св. Синода, митрополитъ Владиміръ, съ которымъ отъ юности до конца дней своей жизни митрополитъ Антоній поддерживалъ самыя наилучшія сердечныя отношенія, и что въ благопріятномъ разрѣшеніи вопроса была живо заинтересована Августѣйшая Особа—Ея Высочество Великая Княгиня Елисавета Ѳеодоровна, и, наконецъ, что затребованныя отъ профессоровъ канониста и литургиста свѣдѣнія получились положительныя и доказывающія возможность возстановленія и чина діакониссъ, и института діакониссъ, — митрополитъ Антоній нашелъ возможнымъ горячо доказывать въ Святѣйшемъ Синодѣ, что возстановленіе это возможно только *на предстоящемъ и ожидаемомъ всѣми соборѣ*. Какъ извѣстно, за подкрѣпленіями научнаго характера владыка митрополитъ Антоній обращался къ профессорамъ своей Петербургской Академіи и даже будто бы въ поискахъ доказательствъ, не былъ совершенно безуспѣшенъ. Какъ бы тамъ ни было, но вопросъ о діакониссахъ въ первоначальномъ своемъ видѣ, благодаря настойчивости мит-

рополита Антонія, не получилъ положительнаго разрѣшенія и остановился, можно сказать, на полпути.

Митрополитъ Антоній любилъ Кавказъ и его богатую природу и высоко цѣнилъ разнообразныя цѣлительныя воды лечебныхъ мѣстъ Пятигорска, Ессентуковъ, Желѣзноводска и Кисловодска. Особенными симпатіями владыки пользовался Кисловодскъ, куда онъ нерѣдко ѣздилъ на лѣтній отдыхъ далеко за долго до своей тяжелой болѣзни. Здѣсь онъ неизмѣнно останавливался за соборомъ на дачѣ художника, кажется, Степанова. Дача эта съ обширнымъ балкономъ надъ обрывомъ, въ которомъ по живописнымъ склонамъ его разстилался обширный тѣнистый садъ, соединяющійся съ общественнымъ паркомъ особыми тропинками, ведущими затѣмъ въ окружающія Кисловодскъ горы. Сюда-то въ простенькой рясѣ и шляпѣ на головѣ, палочкою въ рукѣ, владыка удалялся на вечернюю или одиночную прогулку, или нерѣдко въ компаніи съ кѣмъ-либо изъ посѣщавшихъ владыку пребывавшихъ на водахъ архіереевъ (въ

послѣднее время у владыки часто гостилъ Экзархъ Грузіи Иннокентій Бѣляевъ), или знакомыхъ ему профессоровъ Академіи, или даже съ кѣмъ-либо изъ знакомыхъ, симпатичныхъ ему, изъ курортной публики. Къ 5 часамъ—вечернему чаю—у владыки на его балконѣ иногда собиралась довольно значительная и разнообразная публика и вела непринужденный разговоръ по всѣмъ вопросамъ дня, любуясь въ то же время прелестнымъ видомъ на горы и наслаждаясь вечернею живительною прохладою. Владыка за изящно сервированнымъ чайнымъ столомъ лично исполнялъ роль самаго внимательнаго хозяина по отношенію къ своимъ гостямъ.

Кисловодскъ привыкъ къ посѣщеніямъ его владыкою Антоніемъ и всегда встрѣчалъ его весьма радушно, оказывая ему знаки глубокаго почтенія и вниманія. День именинъ владыки, 10 іюля, проходилъ въ Кисловодскѣ въ праздничномъ настроеніи, и дача владыки и утромъ, и вечеромъ этого дня видѣла въ стѣнахъ своихъ весьма многихъ посѣтителей—почитателей владыки-именинника

Пасквиль Дубровина, годы политической неурядицы въ Россіи, шатаніе умовъ не только среди интеллигенціи и простого народа, но даже и среди духовенства, газетная травля, направленная по адресу владыки консервативными представителями русскаго народа и т. д. сдѣлали однако свое дѣло и расшатали неблестящее здоровье владыки окончательно. Сдержанный и всегда спокойный владыка по виду не былъ таковымъ внутренно, и всѣ неудачи и огорченія отзывались въ его добромъ сердцѣ мучительною болью. Слабыя нервы не выдержали и владыку поразилъ нервный ударъ, выразившійся въ параличѣ руки, въ легкой потери памяти и въ затруднительности рѣчи. Сдавъ управленіе епархіею своему первому викарію, владыка отправился въ свой любимый Кисловодскъ для серьезнаго леченія. Цѣлительныя воды Нарзана, прекрасный воздухъ, строгій режимъ жизни и искусство медицинскихъ свѣтилъ помогли владыкѣ сравнительно легко улучшить расшатанное здоровье. Хотя память и органъ рѣчи далеки были еще отъ нормальнаго состоя-

нія, тѣмъ не менѣе владыка Антоній вернувшись въ Петербургъ, послѣ перваго курса леченія на Кавказѣ, началъ дѣлать пріемы по епархіальному управленію и выѣзжать на засѣданія Святѣйшаго Синода. Правда, всѣ любившіе владыку его подчиненные, видя, что здоровье его не вполнѣ возстановилось, и что онъ дѣлаетъ большія усилія, чтобы показать свою жизнедѣятельность, — всячески щадили его и старались не утомлять продожительными и частыми визитами къ нему особенно по маловажнымъ вопросамъ.

Неоднократныя поѣздки владыки въ Кисловодскъ, повидимому, еще болѣе благотворно отражались на его здоровьѣ, и онъ самъ, и искренно расположенные къ нему люди, не прочь уже были обольщать себя даже несбывшимися надеждами на полное возстановленіе здоровья владыки. Въ этомъ направленіи съ особеннымъ тщаніемъ проведенъ былъ владыкою послѣдній сезонъ въ Кисловодскѣ лѣтомъ 1912 года. Режимъ былъ установленъ самый строгій. Служебныя заботы сведены были до минимума. Визиты постороннихъ

лицъ къ владыкѣ ограничены. Жилъ больной съ родною сестрою, окружившей его материнскою нѣжностью, и видѣлся лишь съ своими докторами и самыми близкими къ нему лицами, какъ напр., Экзархомъ Грузіи Иннокентіемъ и др. Даже въ день ангела владыки отмѣнены были всякіе визиты и проявленіе знаковъ вниманія со стороны почитателей. Владыка купался, гулялъ, наслаждался природою и работалъ надъ собою, чтобы возвратить плавность рѣчи и укрѣпить ослабѣвшую память.

Мѣсяцъ іюль 1912 достопамятнаго года я проводилъ въ Ессентукахъ, пользуясь цѣлительными водами его источниковъ. Прослышавъ отъ лицъ, видѣвшихъ владыку, что онъ поправляется и чувствуетъ себя довольно бодро, я передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, пожелалъ по прежней памяти навѣстить владыку въ 5 час. къ вечернему чаю. Но, придя къ этому часу на дачу, я, къ удивленію своему, узналъ отъ келейника, что владыка *еще отдыхаетъ*. Мнѣ пришлось около получаса или даже болѣе бродить по саду въ ожиданіи пробужденія владыки, который съ

живою радостью встрѣтилъ мое появленіе и тотчасъ же усадилъ меня въ столовой, гдѣ находились сестра владыки и хозяйка дачи, за чай. Владыка былъ необыкновенно оживленъ и словоохотливъ. Онъ пустился въ далекія казанскія воспоминанія, стараясь называть всѣхъ старыхъ знакомыхъ по имени и отчеству и выражая неподдѣльную радость, когда эти имена и отчества быстро возникали въ его памяти и давались ему легко на языкъ. Владыка при этомъ посвятилъ меня и въ свои повседневныя занятія или, вѣрнѣе, упражненія въ чтеніи текстовъ евангельскаго и церковно-богослужебнаго, чтобы потомъ при богослуженіи избѣгать тѣхъ затрудненій, какія онъ испытываетъ теперь въ языкѣ по случаю своей болѣзни. «Мнѣ хочется» прибавилъ владыка, «начать служеніе въ храмахъ. Только бѣда моя въ томъ, что у меня появилась боязнь пространства, и потому нападаетъ на меня робость въ силу опасенія, какъ бы во время службы не было бы со мною дурно. Вѣдь вы хорошо знаете, что за нами слѣдятъ и сверху, и снизу». Я рекомендовалъ

владыкѣ не спѣшить съ торжественными богослуженіями въ такихъ значительныхъ размѣровъ храмовъ, какъ Исаакіевскій и Казанскій соборы, а также и Александро-Невская лавра, а начать богослуженіе въ своей домовой крестовой церкви и при томъ имѣя на всякій случай при себѣ викарія, который, въ случаѣ внезапной болѣзни, могъ бы всегда замѣнить владыку и не произвести замѣшательства въ порядкѣ богослуженія. Я пробылъ у владыки больше часа и вышелъ отъ него напутствуемый самыми сердечными пожеланіями счастливаго пути и скораго свиданія въ Петербургѣ.

Но мнѣ уже не суждено было видѣть болѣе владыку въ живыхъ. Я считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ горячо молиться на панихидахъ у безвременнаго гроба владыки объ упокоеніи души его въ селеніяхъ праведныхъ.

Вернувшись 26 сентября 1912 года съ Кавказа, по общему мнѣнію, сравнительно бодрымъ, митрополитъ Антоній не только вступилъ въ исправленіе своихъ высокихъ и сложныхъ обязанностей, но 21 октября

совершилъ даже съ членами Святѣйшаго Синода въ Лаврѣ благодарственный Господу Богу молебенъ по случаю восшествія на престолъ Государя Императора. Это форсированіе своимъ здоровьемъ, вопреки совѣтамъ докторовъ и друзей владыки, не прошло даромъ, и 23 числа онъ слегъ въ постель, съ которой уже болѣе не вставалъ, предавъ свой духъ Богу 3 ноября 1912 года.

*А. Дмитріевскій.*